

СОЦИОЛОГИЯ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА*

Характерные черты структуры общественного мнения и динамики общественных настроений

Структура общественного мнения в России и большей части бывших «солагерников» весьма сходна. Общественное мнение в отношении происходящих реформ и социалистического прошлого расколото. Контурсы этого раскола наметились еще в период существования коммунистических режимов и оформились окончательно в последние годы. Естественно, что можно говорить лишь об относительной устойчивости во времени сложившихся в обществе пропорций — долей людей, придерживающихся тех или иных идеологических воззрений или высказывающих различные оценки в отношении политических и экономических инноваций, социальных изменений. Эти пропорции подвижны, ибо кроме идеологического фактора, отражающего сосуществование различных систем мировоззренческих ценностей и политических ориентаций, раскол общественного мнения детерминирован фактором психологическим, т.е. характером восприятия изменений среды обитания (в широком смысле, включая социальную и природную среду жизнедеятельности индивидов, экономические обстоятельства — динамику прожиточного минимума, возрастание уровня социальной напряженности, рост преступности и снижение степени социальной защищенности и т.п.), различиями жизненных установок (подробнее о факторной модели структуры российского общественного мнения см., в частности, [8]). Дифференцированное восприятие нынешней действительности, позитивное или негативное отношение к прошлому и ожидаемому будущему наблюдается практически во всех слоях общества, но в существенно разных пропорциях. Более того, зачастую мотивации одного и того же эмпирически фиксируемого в ходе опросов типа отношения бывают противоположными у представителей различных общественных групп (ср., например, критические оценки приватизации, высказываемые бизнесменами и людьми, потерявшими работу после перехода предприятия в частную собственность).

В рамках единой модели структуры общественного мнения экс-социалистических стран неизбежны различия в пропорциях сторонников полярных взглядов, связанные со спецификой экономической ситуации в стране и политической конъюнктурой в конкретный момент времени. Общие черты проявляются и в динамике общественных настроений, о которой мы подробнее будем говорить ниже.

Результаты ряда исследований могут служить иллюстрацией сказанного. Так, австрийские социологи, проводившие опросы в Польше, Словакии, Венгрии, Болгарии, Словении, Хорватии, Беларуси и на Украине, пришли к выводу, что большинство жителей экс-социалистических государств с чувством ностальгии вспоминают об ушедшем времени, негативно оценивают современную экономическую ситуацию и считают, что плановое ведение хозяйства может явиться эффективным средством разрешения нынешних экономических трудностей. Лишь в Чехии относительно большее число респондентов придерживалось мнения, что «коммунистическая экономика» функционировала менее эффективно, чем пришедшая ей на смену система [9]. Сравнивая прошлое с настоящим в баллах по 100-балльной шкале, поляки оценивают социализм в 57 баллов, а нынешний строй в 39 баллов, болгары — соответственно в 59 и 25, венгры — в 74 и 29, чехи — 44 и 55 [10]. По данным болгарских социологов, весной 1992 г. число граждан, одобряющих 45-летний период социалистического развития

Окончание. Начало см. в № 6, 1994.

страны, впервые с мая 1990 г. возросло настолько, что превысило число респондентов, придерживающихся противоположной точки зрения [11]. Все эти эмпирические факты свидетельствуют о смене доминирующих общественных настроений по сравнению с началом 1990-х годов, об утрате надежд на быструю адаптацию к капиталистическому мирохозяйству.

Даже в Восточной Германии массовая эйфория, порожденная объединением с ФРГ, оказалась мимолетной и сменилась вскоре состоянием разочарования и подавленности. Реальность оказалась весьма далекой от пропагандистских мифов о богатом и свободном демократическом обществе. Согласно данным опроса, проведенного в экс-ГДР весной 1991 г., большинство (83%) восточных немцев расценивали свое положение как драматическое, хотя и не безнадежное (61% полагал, что улучшение наступит через пять лет) [12]. Характеризуя свое отношение к происходящим процессам, 1/5 участников опросов, проведенных Берлинским институтом социальных исследований (21%), назвала себя «раздавленными», половина (51%) — «наблюдателями», каждый седьмой (14%) — «выключенным из процесса принятия решений», и лишь 1/10 активными участниками немецкого объединения [4, S. 204]. Многие жители экс-ГДР ощущают себя «немцами второго сорта с разрушенной самооценкой», объектами политического манипулирования, смысла которого они не понимают.

Общим для всех стран и исследований моментом, на наш взгляд, не нуждающимся в комментариях, является то, что одобрение ныне происходящего чаще высказывают те, кто находится в более благоприятных условиях, кто выиграл от экономических и политических перемен и кто ожидает улучшения условий своей жизни в ближайшей перспективе (это, как правило, молодые люди). В качестве характерной общей черты можно указать также на существенные расхождения возрастных когорт в оценках прошлого, настоящего и будущего («a generation gap») и на положительную корреляцию оценок направления перехода с образовательным уровнем респондентов (более высокообразованные в целом в большей степени поддерживают движение к рынку, зачастую скептически оценивая практику проведения экономических реформ). Огромное количество эмпирических данных, подтверждающих эти закономерности, можно найти в выпусках Информационного бюллетеня ВЦИОМ и Интерцентра «Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения» за 1993 г., архивных и опубликованных в печати материалах опросов, проведенных ИСПИ РАН, ИС РАН и другими российскими социологическими службами.

Типичной чертой менталитета посткоммунистических обществ может считаться и попытка «жить при социализме после его свержения», говоря словами польского социолога Е. Мокшицкого. Польские ученые отмечали, что если общество довольно легко рассталось с внешними атрибутами прежнего строя, то «коммунизм внутренний» оказался более жизнеспособным (см. об этом, например, группу статей в [13]). Это наблюдение подтверждают данные исследований во всех экс-социалистических странах. Ниже мы будем об этом говорить подробнее, здесь же в качестве общего вывода укажем, что укоренившиеся за годы социализма стиль жизни и отношение к государству, система коллективистских ценностей входят в противоречие с либеральной системой ценностей, лежащей в основе идеологии проводимых сегодня реформ. Можно утверждать, что ценностный конфликт является обязательным и неизбежным компонентом радикальной трансформации структуры общественного сознания, и, несколько упрощая, что в этот период в общественном сознании сосуществуют и борются две системы ценностей — западная, характерная для развитого буржуазного капиталистического общества, и восточноевропейско-социалистическая, характерная для нашего недавнего прошлого. Причем изменение менталитета напрямую связано с процессом социализации в новых условиях и, следовательно, выход из системного кризиса потребует гораздо больше времени, чем предполагали «прорабы перестройки» и «архитекторы реформ» (см. об этом в [8]).

Динамика отношения населения российских городов к экономической реформе (во данным «российских почтовых опросов взрослого городского населения, проведенных ИСПИ РАН в апреле 1992 г. и апреле-мае 1993 г.*), %

Мнения респонденте»	Городское население в целом	Пенсионеры	Рабочие	Предприниматели	Техническая интеллигенция	Гуманитарная интеллигенция	Студенты	Военные, милиция	Мужчины	Женщины
<i>Оценка «шоковой терапии»:</i>										
согласны с мнением, что «повышение цен поможет России выйти из кризиса»										
1992 г.	14	11	14	12	11	16	27	15	16	10
1993 г.	11	10	11	19	8	12	16	19	11	10
не согласны с этим мнением										
1992 г.	67	80	65	56	79	65	47	73	72	67
1993 г.	66	70	69	54	71	57	53	62	69	64
<i>Оценка темпа реформ:</i>										
согласны с мнением, что «Ельцин слишком торопится с реформами»										
1992 г.	39	59	36	8	38	32	23	24	40	36
1993 г.	36	46	43	13	33	14	26	14	36	36
не согласны с этим мнением										
1992 г.	38	23	37	84	44	51	46	59	42	37
1993 г.	41	28	31	79	48	61	36	66	44	37

*Объем выборки в 1992 г. — 1 167 человек, в 1993 г. — 1 172 человека; погрешность — 3%. Доля уклонившихся от ответа в таблице не показана.

Отношение большинства к новым реалиям польские социологи сравнивают с дилеммой заключенного, много лет проведенного в тюрьме: покинуть тюрьму очень хочется, но вместе с тем преодолевают опасения, что жизнь на воле будет более трудной [14]. И действительно, через несколько лет после падения коммунизма в России и Восточной Европе все более утверждается мнение, что жизнь не стала лучше, просто мир стал иным. Характеризуя изменения в мироощущениях, нужно указать на возрастание чувства личной свободы; которое основывается прежде всего на свободе передвижения и свободе выражения своих политических пристрастий, и на утрату чувства определенности в отношении будущего. У части населения (преимущественно старшего и среднего возрастов) развиваются пессимизм и отчаяние, ощущение никчемности затраченных усилий и напрасно прожитой жизни в связи с коллапсом реального социализма, катастрофическим падением жизненного уровня и потерей всех сбережений из-за галопирующей инфляции в посткоммунистический период. Нам представляется, что совпадение социологических наблюдений, полученных независимым образом нами и нашими коллегами, свидетельствует о закономерности, проявляющейся практически повсеместно.

Социальная цена реформ в России и у большей части наших восточноевропейских соседей оказалась очень велика. Если в 1990-х годах общественное мнение консолидировалось под лозунгами обеспечения гражданских прав и свобод, то ныне они уступили место тоске по социальной защищенности и утраченному равенству. Не случайно повсюду люди верят в силу забастовок, усматривая в них единственное средство борьбы в защиту своих интересов, не рассчитывая на то, что интенсивный и добросовестный труд поможет им улучшить материальное положение. Значительная часть трудящихся в России, Польше и других странах убеждена в том, что приватизация — это скрытый грабеж, что правящие круги способствуют распродаже национального достояния в угоду Международному валютному фонду и международным банкам, контролируемым западными капиталами. В этой связи важно отметить, что изначально негативное отношение к приватизации не было столь широко распространено (показатель отношения к приватизации важен особенно, поскольку является индикатором отношения к ключевому элементу системных экономических преобразований)⁵. Ширится убеждение, что реформы народу ничего не дали. Как образно заметил известный польский политик Я. Куронь, «общество парализовано несправедливостью новой системы».

Можно принять и оценку происходящих в сфере сознания процессов как «цивилизационный шок». Пропагандистская замена социалистического мифа о всеобщем равенстве на миф о капитализме как обществе всеобщего благоденствия породила своеобразный посткоммунистический синдром, воплощающийся в попытках понять происходящее на основе несовместимых идеалов либерализма и коммунизма. Поэтому немалая часть общества, не привыкшая к конкуренции и плюрализму, воспринимает происходящее как нарастающий хаос и анархию. Среди этих людей находят понимание и поддержку призывы навести порядок и другие популистские лозунги. Свидетельством того, что навязанный реформаторами темп перемен не соответствует настроениям значительной части общества (таблица), является потеря ими голосов на выборах, равно как и рост политической апатии большей части избирателей, утративших веру в возможность своего влияния на деятельность политиков и уклонившихся от участия в голосовании (декабрьские (1993) выборы в России могут служить лучшей иллюстрацией этого тезиса; к сожалению, мы не имеем возможности проанализировать здесь политические пристрастия различных социальных групп). Нужно отчетливо сознавать, что прогрессирующая неудовлетворенность огромной части общества и отсутствие консенсуса в отношении программы реформ среди политических сил могут привести к дальнейшей дискредитации идеалов демократии, прав человека, того главного, во имя чего общество поддержало лозунги перестройки и усилия демократов-антикоммунистов. «Авторитарная демократия» — как определяют некоторые

западные наблюдатели то, к чему тянут Россию после кровавых событий октября 1993 г., — это не демократия вообще.

На общем фоне фрустрационных настроений и социальной напряженности во всем восточноевропейском регионе особняком стоит Чехия. Если, по данным недавних опросов, доля недовольных уровнем жизни, например, в Венгрии составила 80%, в Польше — 77%, то в Чехии, напротив, процент граждан, удовлетворенных своим материальным положением, превысил 60 [9]. Более половины (58%) чешского населения отдадут предпочтение нынешнему режиму перед прежним, существовавшим до ноября 1989 г., 1/5 (22%) придерживается противоположной точки зрения, остальные не видят разницы, 3/4 жителей полагают, что происходящие перемены принесут лучшее будущее их детям, почти 2/3 (64%) опрошенных в июне 1993 г. считают, что чешское общество развивается в правильном направлении (ср.: в марте 1992 г. таких было 58%) [17]. Объективным показателем того, что с момента своего старта процесс экономических преобразований происходит в атмосфере социального мира и спокойствия является практическое отсутствие массовых выступлений трудящихся: за этот период произошло лишь одна забастовка водителей автобусов и одна демонстрация протеста шахтеров на Староместной площади в Праге. Не случайно трое из четырех жителей Чехии полагают, что профессиональный уровень нынешнего правительства значительно выше, нежели у прежнего (до ноября 1989 г.) руководства республики [17].

Как и в других экс-социалистических странах, в чешском обществе существуют люди с неолиберальными взглядами, ставящие во главу угла необходимость обеспечения эффективного функционирования экономики на основе частной собственности, неприемлющие активное вмешательство государства в рыночные отношения и частную жизнь граждан даже под предлогом осуществления принципа социальной справедливости, полагающие естественными различия в имущественном положении граждан, а причинами бедности и безработицы — отсутствие личной заинтересованности индивидов в труде. С ними сосуществуют сторонники противоположных социально-экономических предпочтений, выдвигающие на первый план необходимость государственного обеспечения социальной справедливости в сфере распределения, те, кто считает, что капитализм несправедлив по своей сути, и те, кто не может принять безработицу в качестве естественного общественного явления и отдает предпочтение так называемой социально-рыночной экономике. Первая из охарактеризованных выше групп составляет около 3/5, а вторая — 2/5 экономически активного населения [18].

Таким образом налицо знакомая структура раскола общественного мнения, а отличие Чехии от, например, России — лишь в большей доле сторонников неолиберального капитализма. Как и у нас, патерналистские взгляды высказывают в первую очередь те, кто испытывает материальные трудности. Четкие социологи считают, что за поддержкой идеи так называемой социально-ориентированной рыночной экономики по сути дела стоят мечты о создании «социально-справедливой экономики», в которой прежний негласный принцип коммунистического эгалитаризма «равенство в нищете» заменен на «богатство для всех». Данные эмпирических исследований также подтверждают ранее сделанный нами вывод о том, что уровень доходов является, хотя и весьма значимой, но не единственной переменной, влияющей на отношение граждан к реформам⁶, ибо интеллектуальный уровень респондентов не в меньшей степени определяет их мировоззренческие ориентации⁷. Вводя понятие «культурный мультипликатор», чешские исследователи пытаются описать зависимость высказываемых взглядов от характеристик респондентов, т.е. объяснить взаимодействие «идеологической» и «психологической» компонент (факторов) в формировании общественного мнения, равно как и позиции отдельно взятого индивида (если использовать термины, введенные нами выше при описании модели структуры общественного мнения). Исследователи считают, что неолиберализм — это система взглядов, выражаемых прежде всего активными индивидуалистами и уже затем — удачливыми и до-

вольными жизнью, а государственно-патерналистские взгляды являются признаком традиционной социально-демократической ориентации. На ваш взгляд, это понятие может найти свое место и в понятийном ряду, используемом российскими социологами, ибо улавливает суть явления.

Эмпирически зафиксированный перевес сторонников первой группы взглядов несомненно отчасти отражает и эффект смены «климата мнений», описанный еще Элизабет Ноэль-Нойман в книге «Спираль молчания», ибо смена режима повлекла за собой и инверсию системы социально одобряемых взглядов, которые «удобно» выражать публично⁸. Косвенным подтверждением справедливости нашего суждения являются данные о динамике общественных настроений: если в 1990 г. на первом этапе реформ, накануне либерализации цен, 87% опрошенных в Чехии полагали, что свободное предпринимательство должно быть ничем не ограничено, то летом 1993 г. такое мнение высказывали только 58%. С 50% в 1992 г. до 30% к лету 1993 г. снизилось число тех, кто приветствует предоставление «зеленой улицы» иностранным инвесторам [19].

Таким образом, в поисках ответа на вопрос, что же именно стоит за миром и согласием в чешском обществе, мы пришли к выводу о том, что это, с одной стороны, умелая политика реформаторского руководства, учитывающая не только сиюминутные факторы, но и долгосрочные тенденции, вытекающие из исторического опыта «первой республики», высоко оцениваемого гражданами страны, а, с другой стороны, способность общества адаптироваться к происходящим переменам, принятие курса реформ на основе положительного или по крайней мере нейтрального восприятия капитализма большей частью населения. Следует иметь в виду, что практика осуществления реформ свидетельствует о движении Чехии к модели общественно-экономического устройства, близкой к австрийскому или немецкому типу. Это неудивительно, ибо, несмотря на декларируемые неолиберальные предпочтения, в то же время граждане Чешской Республики в своем большинстве стоят за сильную систему социальной защиты, поддерживаемую государством, т.е. на позициях западноевропейской социал-демократии. Так, по данным опросов 3/4 жителей считает, что государственные дотации на детей должны покрывать все расходы на детские нужды, 2/3 все еще надеются, что в тяжелой жизненной ситуации им поможет государство [20]. В то же время 2/5 граждан Чешской Республики склонны винить в собственных неудачах нынешнюю экономическую и общественную системы [18], а это означает, что общие идеи поддержки реформ и принятия капитализма еще не овладели массами окончательно, и чешское общество может столкнуться с социально-политическими конфликтами в случае ухудшения условий жизни. Заметим, кстати, что относительно большинство (43%) чехов вообще очень скептически относятся к перспективе улучшения жизни и ожидает ее ухудшения (38% ожидают улучшения через 10 лет, 19% — через 5 лет) [21].

Вернемся к российской реальности. Известно, что уже сегодня затраты государства на помощь малообеспеченным исчисляются астрономическими суммами в сотни миллиардов рублей. Между тем, представления о том, кого считать бедным или малообеспеченным весьма разнятся у разных людей, не исключая специалистов в области социального обеспечения и парламентариев. Несомненно, что богатство и бедность — это понятия относительные, связанные в первую очередь со сложившимися в конкретном обществе стандартами образа и стиля жизни различных социальных слоев и групп, типами потребительского поведения, характером распределения материальных благ, доступностью различных видов товаров и услуг и т.д. Отвечая на вопросы анкеты всероссийского почтового опроса взрослого городского населения, проведенного нами в мае 1993 г., соответственно своим субъективным представлениям о бедности отнесли собственную семью к категории «очень бедных» 5% опрошенных, «бедных» — 18% и «малообеспеченных» — 42% (итого 65%). Заметим, что «граница бедности», т.е. величина дохода, за которой, по представлениям респондентов, начинается подлинная бедность, рассчитанная по данным опроса, удовлетворительно согла-

суется с оценкой прожиточного минимума, сделанной статистиками (см. рисунок в № 6, 1994). К категории «состоятельных» отнесли свою семью 2% опрошенных; 1/3 участников опроса считает, что они относятся к категории «среднеобеспеченных». Богатым или очень богатым себя не назвал никто (мы уверены, что наши респонденты не скромничали, просто те, кто действительно может претендовать на право быть причисленным к слою богатых людей не участвовали в опросе). Таким образом, жители городов России (при естественном разнообразии индивидуальных представлений о бедности, что связано в первую очередь с индивидуальными потребностями, а значит со стилем жизни, жизненным опытом, возрастом, образованием) достаточно реалистично оценивают как свое благосостояние, так и уровень жизни других.

В общественном сознании еще не выработались общепризнанные критерии имущественного расслоения. Поэтому ответы на вопрос о «границах богатства и бедности», как и на вопрос о том, к какой категории («бедные» — «богатые») относит свою семью респондент, были связаны как с уровнем материального положения участников опроса, с представлениями о том уровне дохода, который позволил бы им полностью удовлетворить потребности своей семьи при сегодняшнем уровне цен, так и с субъективными представлениями о богатстве вообще. Зачастую люди, имеющие один и тот же уровень дохода, относили себя к разным категориям: например, среди респондентов с более чем скромным душевым доходом до 5 тысяч руб. в месяц (минимальная зарплата в мае 1993 г. составляла 4 275 руб. в месяц) 7% назвали себя среднеобеспеченными, к этой категории отнесли свою семью 69% респондентов, имеющих доход от 50 до 100 тысяч руб. Среди людей, отнесших свою семью к группе «состоятельных», 44% имели доход свыше 100 тысяч руб. в месяц; среди «среднеобеспеченных» таких был только 1%, а большая часть (58%) имели доходы в интервале от 10 до 25 тысяч руб.; среди считающих себя «малообеспеченными» 55% имели доходы, лежащие в этом же диапазоне (10 000—24 999), а 36% — до 10 тысяч руб. в месяц на члена семьи; среди именующих себя «бедными» 31% имел доходы в пределах 10—25 тысяч руб., однако большая часть (61%) — до 10 тысяч; 88% респондентов, отнесших свою семью к категории «очень бедных», имели доход ниже 10 тысяч. Разумеется за год, прошедший с момента нашего обследования, произошли определенные изменения — выросли цены и доходы в количественном выражении, но, по нашему убеждению, характер дифференциации россиян по уровню дохода едва ли существенно изменился. Данные Госкомстата РФ, приведенные на рисунке, подтверждают валидность нашей выборки, а следовательно, и сделанных на ее основе обобщений.

Представления об уровне дохода, позволяющем жить ни в чем не нуждаясь, и о «пороге бедности», характерные для поколений «дедов», «отцов» и «детей», подчиняются обратной зависимости: чем моложе горожане, тем выше их запросы, — чтобы удовлетворить потребности внуков нужен доход примерно вдвое больший, чем тот, которым были бы полностью удовлетворены их бабушки и дедушки, границу бедности молодые люди также проводят на уровне дохода в среднем примерно в 1,5—2 раза выше, чем представители старшей возрастной группы. Когда мы использовали в качестве базы для сравнения официально установленную величину минимальной месячной заработной платы, то выявили, в частности, что «порог бедности» для старшего поколения — это величина душевого месячного дохода на члена семьи, примерно равная двум с половиной минимальным месячным зарплатам, для людей среднего возраста — равная трем минимальным зарплатам, для Молодых — четырем, а «граница богатства» — это величина, также кратная минимальной месячной зарплате, но рассматриваемая как выражение дохода на члена семьи, но не в месяц, а в день (!), для людей пенсионного возраста она равна минимуму зарплаты, для 40—49-летних эта цифра удваивается, а для молодых утраивается. Выявленные различия возрастных когорт понятны, легко объяснимы, и поэтому мы воздержимся от дальнейших подробных комментариев.

Все познается в сравнении и все относительно в этом мире. Тем не менее, исходя из оценки собственных возможностей найти свое место в новом «рыночном» обществе, россияне реалистично оценивают свои шансы стать в ближайшие годы богатым (или очень богатым) человеком либо попасть в число малообеспеченных, бедных. Большинство опрошенных (53%) полагало, что у них нет шансов разбогатеть; 1/4 расценивала свои шансы стать богачом как низкие, 11% как «пятьдесят на пятьдесят» и только 3% были уверены, что у них достаточно высокие шансы стать богатым человеком. Мы не будем иллюстрировать цифрами очевидный факт, что среди молодых людей доля надеющихся разбогатеть выше и что среди высоко оценивающих свои шансы больше молодых. Пожилые люди, напротив, оценивали свои шансы пополнить ряды бедняков выше, чем шансы разбогатеть. В целом же почти 1/3 (31%) горожан расценивали свои шансы скатиться вниз по лестнице имущественной дифференциации как высокие; примерно 1/4 (28%) как «половина на половину»; остальные не допускали или весьма низко оценивали вероятность того, что они попадут в число бедняков в ближайшие годы. Что ж, тот факт, что почти 2/3 участников опроса — жителей городов, расположенных в разных концах России, не только не рассчитывали разбогатеть, а, напротив, прогнозировали свое дальнейшее обнищание, вполне удовлетворительно вписывается в унылую картину имущественного расслоения по величине душевого дохода и субъективной оценке семейного благосостояния.

Еще несколько цифр. Материальным положением своей семьи, по нашим данным, были удовлетворены лишь 6% горожан. Для сравнения заметим: среди поляков, испытавших опыт шоковой терапии, лишь 2% считали, что живут хорошо. Наступление лучших дней многие наши соотечественники относят к весьма и весьма отдаленному будущему: 27% — за пределы тысячелетия, еще 28% полагают, что до этого времени не доживут, 10% уклонились от прямого ответа, остальные надеются, что изменения к лучшему в их жизни произойдут до 2000 года (таблица, иллюстрирующая динамику социальных ожиданий по данным наших опросов приведена в [8]).

Углубление пропасти между богатыми и бедными, прогрессирующее обнищание значительной части трудоспособного населения порождает известную реакцию — рост преступности, депрессию и другие негативные психологические последствия. Мы не будем приводить здесь данные из сводок МВД, показывающие, что каждый новый год последнего пятилетия уверенно бьет печальные рекорды года предыдущего. Вот результаты исследования: на вопрос «Чувствуете ли Вы себя в Вашем городе защищенным от преступных действий?» отрицательно ответили весной 1993 г. 84%, при этом каждый пятый (22%) лично не менее чем один раз непосредственно сталкивался с физическим насилием или другими преступными действиями, еще у половины (56%) с подобными происшествиями сталкивались знакомые. 2/3 опрошенных, характеризуя свое самочувствие, указали, что в последнее время они испытывали угнетенное состояние, нервозность, головные боли. Почти половина (43%) респондентов опасается пополнить ряды безработных. Таким образом, наше общество бедных оптимистов рискует превратиться в сообщество невротиков, боящихся выходить на улицу.

Как и в других экс-социалистических странах, общественное мнение России волнует вопрос о пределах вмешательства государства в экономическую деятельность граждан и о социальной защите. Не имея возможности анализировать этот аспект подробно, вновь ограничимся данными нашего весеннего (1993) опроса, характеризующими взрослое городское население в целом. 2/3 горожан полагали, что государство должно гарантировать каждому человеку возможность получить работу и хорошие жилищные условия, а 1/3 придерживалась мнения, что каждый человек должен рассчитывать только на себя и не надеяться на помощь общества и государства, что правительство не должно вмешиваться в частную жизнь граждан и что следует предоставить каждому устраивать свою жизнь по собственному разумению. 3/4 опрошенных полагали, что государство должно полностью взять на себя заботу о благосостоянии своих граждан и обеспечивать их в случае беды и в старости, ибо каждый

человек имеет равное право на помощь государства при потере работы, в случае болезни, стихийного бедствия и в старости. Однако 1/4 городских жителей была не согласна с этим и разделяла мнение, что не следует чрезмерно полагаться на помощь государства в случае беды и в пожилом возрасте. Более того, сторонники этой точки зрения считают, что чрезмерная опека государства способствует развитию у части людей иждивенческих настроений, тогда как человек сам должен нести ответственность за свою жизнь при любых обстоятельствах. По мнению почти половины (43%) опрошенных, ныне в России каждый сам ответственен за свой успех или неудачу, и понятие социальной справедливости утратило прежний смысл. Большинство опрошенных стоит на точке зрения, согласно которой в современных условиях российские власти обязаны регулировать цены на товары и услуги (против 23%); среди предпринимателей доля несогласных с мнением большинства значительно больше (73%), а правительство должно сделать все, чтобы уменьшить различия в доходах между богатыми и бедными, например, повышая налоги на доходы богатых и выплачивая пособия бедным (против 26%), среди бизнесменов против — 84%.

Вышеприведенные цифры свидетельствуют об отходе некоторой части российского населения (прежде всего городской молодежи) от ранее широко распространенных эгалитаристских взглядов и социалистических ценностей и базирующихся на них представлений о взаимоотношениях государства и гражданина, основанных на государственном патернализме по отношению к лишенному возможности проявлять личную инициативу, рисковать, выигрывать и проигрывать члену общества. Вместе с тем они являются и убедительным свидетельством приверженности значительной части россиян традиционным для советского общества взглядам и ценностям, документальным подтверждением ценностного конфликта, расколовшего общество. Мы видим, что в общественном мнении и общественных настроениях, менталитете россиян, несмотря на специфику российской экономической и политической ситуации, проявляются те же черты, что и в других экс-социалистических обществах. И все очевиднее истина, что успешная модернизация наших стран возможна лишь при реализации программы реформ, учитывающих специфику национального менталитета. Нищенское положение, в котором оказалась значительная часть населения сегодня, является не только свидетельством экономической слабости, но залогом перманентной политической нестабильности общества.

Заключение

Опыт нескольких прошедших лет показал, что свержение коммунизма вовсе не привело к установлению подлинно демократической системы, а попытка переустройства экономики на рыночных основах осуществляется отнюдь не в атмосфере единодушного одобрения со стороны участников процесса. Это естественно, ибо общество продолжает жить, а не начинает жизнь «с чистого листа». Изучение опыта восточноевропейских стран позволяет утверждать, что развитие России во многом повторяет пройденный ими путь и происходит в рамках известных общих закономерностей. Социальная структура настоящего этапа модернизации нашей страны — начального посткоммунистического периода развития — еще не трансформировалась в систему классов, слоев и групп, характерных для общества, обозначенного как цель переходного периода — деэтартизованного, с сильной рыночной экономикой и частными интересами, с созревшими и взаимодополняющими либерально-демократическими, социал-демократическими, христианско-демократическими и иными установками и ценностями. С теоретической и практически-политической точек зрения сейчас архиважно понять, какова будет новая система социальной стратификации — будет ли в ней доминировать социально-классовая вертикальная иерархичность, основанная на социоэкономических критериях дифференциации, или же она станет многомерной, плюралистичной. В первом случае нас ожидает классово-расколотое общество

со всеми его атрибутами и следствиями его поляризации. Во втором — общество, в большей мере соответствующее требованиям цивилизации XXI века. Нельзя не отметить, что, сфокусировав внимание на воздействии на социальную структуру эксоциалистических обществ изменений в отношениях собственности на средства производства и иных последствиях радикальной смены политического строя и принципов организации экономики, социологи России и других стран не учитывают в должной мере, что структура нового общества складывается и под влиянием научно-технического прогресса, ведущего к замене прежней сверхмонополизации на множество мелких и средних фирм в этой сфере. Между тем не так уж давно наши социологи об этом писали достаточно много, рассматривая процесс усложнения социалистического общества и изменения характера труда в эпоху научно-технической революции. Воздействие НТР на современную цивилизацию продолжается и теперь, следовательно, необходимым образом находит отражение и в российском обществе.

Мы не имели возможности обсудить выше, в какой мере приемлема для анализа современного посткоммунистического менталитета концепция так называемых «постматериалистических» (ранее называвшихся «постбуржуазными») и «материалистических» ценностей, увязывающая эволюцию ценностных структур с технологическим уровнем развития страны («индустриальная», «постиндустриальная»). Заметим лишь, что имеющиеся у нас данные позволяют говорить о том, что «постматериалистов» больше среди молодых, более образованных людей с высоким уровнем дохода. Это, впрочем, соответствует общемировой тенденции. Однако из данного эмпирического факта следует еще один важный вывод: ценностный конфликт в нашем обществе нельзя сводить только к противоборству политических ценностей. Следовательно, объяснение неизбежных для нашего, как и любого другого, общества различий во взглядах старшего и молодого поколений должно быть более комплексным.

Изменения в системе социальной дифференциации находят свое продолжение в политическом поведении масс и элит. Объем журнальной публикации не позволил нам раскрыть эту тему. Укажем лишь, что сегодняшнее многообразие партий является реакцией общества на политическую монокультуру, господствовавшую десятилетиями, и типичной для обществ переходного периода чертой. Групповые и социально-классовые интересы в деятельности многих из них еще не достаточно четко артикулированы и часто подменяются ориентацией на ценности. Несомненно одно: в российском парламенте представлены основные цвета радуги политического спектра, хотя и в существенно разных пропорциях. Следует иметь при этом в виду, что в процессе становления плюралистической демократии в России при достаточно четком идейно-организационном оформлении левой и патриотической оппозиции и проправительственных радикально-демократических сил, по крайней мере на федеральном уровне, произошла интенсивная радикализация политических сил, претендующих на отнесение их к центру (отчасти это связано и с отсутствием «среднего класса» — традиционной опоры «центристских сил» в государствах буржуазной демократии). Практика политической борьбы в 1993 г. содержит множество примеров, подтверждающих этот вывод. Активисты борьбы против коммунистического режима оказались несостоятельными руководителями, ибо, как отмечал Р. Дарендорф, «в правительстве нужны иные качества, чем в оппозиции и даже иные достоинства: практическая этика ответственности вместо чистой этики убеждений». Недоразвитость гражданского и политического общества выдвигает на первый план схватку элит (наш анализ проблемы эффективности и легитимности применительно к российскому руководству см. в [8]).

Рыночная экономика и неравенство доходов неразрывно связаны друг с другом. Проводимые сегодня в России реформы не могут не вести к обнажению и углублению имущественного неравенства. Это ясно всем. И все же подлинная задача реформирования экономики и социальной структуры, на наш взгляд, состоит не в том, чтобы обречь большинство трудящихся на прозябание в нищете, а в том, чтобы осуществить